

Зилов Лев Николаевич

Приключения почтовых марок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич З.**
Приключения почтовых марок / Зилов Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-519-86196-0

ISBN 978-5-519-86196-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Приключенія почтовыхъ марокъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ почтамтъ привезли нѣсколько кипъ большихъ листовъ бумаги. На листахъ были вновь отпечатаны почтовые марки, и каждая марка была отдѣлена отъ своихъ сосѣдокъ рядами круглыхъ, крошечныхъ дырочекъ.

Пока въ почтамтѣ работали чиновники, и приходила и уходила публика,—марки на листахъ угрюмо молчали, боясь даже шопотомъ перекинуться словомъ другъ съ другомъ.

Но когда почтамтъ заперли, и всѣ люди удалились,—вокругъ воцарилась глубокая тишина,—и марки точно ожили...

Онѣ уже знали,—для чего онѣ явились на свѣтъ. Объ этомъ имъ сказала большая старая печатная машина, которая печатала почтовые марки; но машина объяснила все-таки не вполне ясно,—ска-

зала только, что каждую марку оторвутъ, наклеютъ на конвертъ, и марка понесетъ письмо. Куда, зачѣмъ и какъ понесетъ, — машина не знала.

— Удивительно странно: какъ же это мы будемъ носить письма? — удивлялись марки. — Нѣтъ, тутъ что-нибудь не то... Впрочемъ, хорошо уже и то, что мы что-то можемъ сдѣлать и не будемъ лежать безъ дѣла!..

Однѣ марки радовались, другія только хмурились и недовольно ворчали:

— Чего вы радуетесь? Вотъ уже совершенно нечего! Мы понимаемъ — родиться, напимѣръ, машиной: она, по крайней мѣрѣ, умѣетъ двигаться, умѣетъ шумѣть... А марки? Что такое марки? Самое послѣднее дѣло. Еще пока мы всѣ вмѣстѣ, — насъ хоть замѣтно; а когда насъ оторвутъ по одной, — куда же мы будемъ годны?..

Въ большой комнатѣ были открыты форточки и вѣтерокъ гулялъ свободно, шевеля бумагу, поднимая инося по воздуху разныя бумажки.

Внезапно въ воздухѣ закружился маленькій лоскутокъ бумажки — какъ бабочка. Это была старая марка, сорванная съ конверта. Новымъ маркамъ даже показалось, что у нея были крылышки.

— Здравствуйте!.. — весело крикнула она: — вы новенькія?.. Ахъ, какъ я рада!.. И я была когда-то такая же!.. А теперь я старая марка, — посмотрите, какъ у меня испачкано платице штемпелемъ. И съ вами то же будетъ. Только вы объ



этомъ не жалѣйте: это пустяки. Самое главное, что вы можете принести добро, оказать услугу человѣку.

Три крайнія марки на верхнемъ листѣ кипы, которыя успѣли тѣсно сдружиться другъ съ другомъ,—ласково улыбнулись старой маркѣ.

— Что это значить, что мы будемъ „носить письма“? — спросили онѣ.

— Сами узнаете,—улыбнулась старая марка.— Это совсѣмъ не трудно!.. Только я желаю, чтобы вы доставили людямъ счастье и добро тѣми письмами, которыя понесете вы!.. Вы такія милыя, славныя!.. Ну, до свиданія!..

Она покружилась еще немного, поцѣловала по очереди всѣ три марки и вылетѣла въ форточку съ порывомъ вѣтра.

А марки крѣпко задумались. Онѣ никакъ не могли понять,—какъ онѣ могутъ принести счастье хотя кому-нибудь. Онѣ только любили все, что видѣли кругомъ: комнату, и людей, и солнце, и вѣтеръ; но принести кому-нибудь счастье — развѣ сможетъ маленькая, слабая марка?

Долго, растревоженныя, не могли онѣ заснуть, а тутъ еще ночь выдалась такая свѣтлая, что вся улица, какъ днемъ, видна...

— Ахъ, подруги!..—прошептала одна марка:— только бы намъ никогда не разлучаться и все дѣлать вмѣстѣ. Какъ бы это было хорошо!

II.

Ночь тянулась очень долго, и марки скучали невыносимо. Наконецъ, солнце заглянуло въ окна, и въ почтамтѣ стали появляться люди, слышались голоса, и работа закипѣла.

— Дай-ка сюда новыя марки! — сказалъ одинъ чиновникъ почтамтскому сторожу, и тотъ снялъ верхнюю кипу и положилъ ее на столъ, у рѣшетки.

Чиновникъ принялся считать листы, а наши подруги-марки внимательно посматривали изъ-подъ пальца, которымъ онъ надавливалъ на нихъ.

Едва онъ покончилъ со счетомъ, какъ сидѣвшій за клеенчатымъ столомъ другой чиновникъ потребовалъ себѣ городскихъ марокъ. Когда ему подали ихъ, чиновникъ оторвалъ цѣлую гирлянду марокъ и передалъ ее въ окошечко покупателю, потомъ еще, еще и, наконецъ, дошла очередь и до трехъ подругъ-марокъ. Онѣ достались бойкому мальчику въ фартукѣ поверхъ пальто. Онъ вложилъ ихъ въ маленькую записную книжку и выбѣжалъ на улицу.

Миновавъ два переулка, онъ свернулъ въ третій и вошелъ въ бакалейную лавку.

— Получите! — крикнулъ онъ весело и хлопнулъ по стойкѣ книжкой. — Марки принесъ.

Въ лавочку то и дѣло приходили,—кто за сахаромъ, кто за чаемъ, кто за мукой или крупой...

Марки все время удивлялись,—какъ старикъ-хозяинъ и его маленькій помощникъ находили все требуемое.

Такъ прошло довольно много времени.

— Можетъ быть, онъ насъ для себя купилъ? — говорили марки про старика-лавочника.— Должно быть, онъ насъ послѣ будетъ приклеивать... вечеромъ.

— Ахъ, что-то съ нами будетъ?!

III.

— Тебѣ чего, пузырь?— спросилъ въ это время лавочникъ маленькаго, худенькаго мальчика, одѣтаго, вмѣсто пальто, въ материнскую кофту.

— Мамка просить...— заспѣшилъ мальчикъ.— Будьте такъ милостивы... Марку бы ей... Письмо послать... Отца на войну угнали... Сама больная лежить... Городскую бы марку...

Лавочникъ ничего не отвѣтилъ,— какъ-будто не разслышалъ, что онъ ему говорилъ, и отвѣщивалъ кому-то дрожжей.

Но потомъ, отпустивъ дрожжи и подождавъ, когда покупатель вышелъ,—оторвалъ одну изъ подругъ и сказалъ:

— Гдѣ у тебя письмо-то? Давай сюда!

Взялъ изъ рукъ мальчика конвертъ и, приклеивъ марку, отдалъ ему назадъ; потомъ вынулъ изъ конторки пятакъ и положилъ на прилавокъ.

— На, вотъ, возьми! хлѣба купишь!

— Спасибо!— сказалъ мальчикъ; зажалъ деньги въ кулачокъ и убѣжалъ.

Когда отрывали марку, она успѣла сказать подругамъ:

— Прощайте, прощайте, милыя! Увидимся ли мы? Помните обо мнѣ!

И оставшіяся тѣснѣе прижались другъ къ другу. Имъ было жутко,— онѣ чувствовали, что вотъ-вотъ возьмутъ ихъ и унесутъ куда-то каждую отдѣльно; и снова онѣ думали,— что-то будетъ съ ними? Куда-то ихъ дѣнуть, маленькихъ и слабыхъ?

А въ это время у прилавка уже стоялъ швейцаръ изъ гимназіи, съ корзинкой, откуда выглядывали разныя мелкія покупки, и, вынимая изъ большого затертаго кошель монету, говорилъ лавочнику:

— Вотъ еще, чуть не забылъ. Марку городскую новичокъ одинъ заказывалъ.

Лавочникъ оторвалъ вторую подругу и отдалъ ему ее вмѣстѣ со сдачей.

Швейцаръ лизнулъ марку съ изнанки, аккуратно приложилъ марку къ конверту и прижалъ ее большими пальцами.

— До свиданья!— сказалъ онъ, раскланиваясь

съ лавочникомъ. — Спасибо этому дому, — теперь пойдёмъ къ другому.

Осталась одна марка. Она свернулась трубочкой и покатилаь, было, съ конторки, да удержалась за ножку счетовъ.

«Вотъ и совсѣмъ одна я осталась! — думала она. — Теперь ужъ за мной чередъ. Кто-то меня купить и унесетъ отсюда?»

Ей пришлось ждать довольно долго. Уже зажгли въ лавочкѣ лампу, уже успѣлъ въ третій разъ отпить чай лавочникъ, когда, наконецъ, вбѣжала въ лавочку запыхавшаяся молодая дѣвушка и быстро сказала:

— Дайте-ка мнѣ марку городскую! Барыня велѣла поскорѣе!..

Лавочникъ нашёлъ марку не скоро.

— Ахъ, ты, Господи! — говорилъ онъ. — И куда только завалилась! Сюда вѣдь положилъ. Такъ тутъ всѣ и лежали. Двѣ продалъ, одна осталась.

— Да, можетъ, всѣ вышли? — спрашивала горничная.

— Зачѣмъ — всѣ... Говорю, — одна оставалась. Мишка, поди, — поищи! Глаза-то у меня плохи.

Но въ это время онъ приподнялъ счеты, и марка, потерявъ опору, покатилаь дальше.

— Вотъ-вотъ-вотъ! извольте получить! — сказалъ онъ, расправляя марку.

И марка очутилась на углу конверта.

Горничная вышла на улицу, повернула направо

и, остановившись у почтоваго ящика, сунула письмо въ щелку ящика.

— Сестрица! Сестрица!— закричали изъ темноты.— Вотъ мы и снова вмѣстѣ! Что это ты какъ долго не приходила?

Марка очутилась въ большомъ обществѣ. Рядомъ съ ней лежали конверты, съ ея подругами, а вокругъ множество другихъ писемъ. Всѣ они тѣснились около письма съ перечеркнутымъ адресомъ, которое отправлялось въ новое путешествіе.

— Сейчасъ придетъ почтальонъ,—вдвинетъ подъ ящикъ желѣзную раму съ мѣшкомъ, отодвинетъ ключомъ задвижку, и мы всѣ упадемъ въ его мѣшокъ,—разсказывала новенькимъ маркамъ потрепанная, перепачканная странница-марка.— Потомъ кинетъ мѣшокъ на почтовую телѣжку и насъ повезутъ по городу, пока мы не очутимся въ почтамтѣ.

— Опять въ почтамтѣ? — захныкали новички.

— Извините, сперва еще въ почтовомъ отдѣленіи насъ помучатъ, а уже потомъ—въ почтамтѣ.

— Что же тамъ будутъ съ нами дѣлать?

— Каждую марку пребольно ударятъ круглой печаткой и всю перепачкаютъ.

— Это еще зачѣмъ?

— А уже я не знаю.

— Ну? Ну? А потомъ?

— Потомъ попадемъ мы въ сумку къ почтальону

и онъ разнесетъ насть по городу, раздавая въ разные дома.

— И опять мы будемъ всѣ врозь?

— Непремѣнно врозь!

— А потомъ что будетъ?

— Потомъ...— выговорила, было, марка. Но въ это время загремѣла вставленная почтальономъ рама и всѣ замолчали.

IV.

Все произошло такъ, какъ говорила старушка-марка.

На утро ихъ положили въ сумку. Всѣ три подруги попали къ одному и тому же почтальону, и онъ началъ обходить.

Утро выдалось дождливое, и когда почтальонъ стоялъ у подъѣзда маленькаго домика и держалъ въ рукѣ конвертъ со старшей изъ подругъ,—на нее упало нѣсколько большихъ капель.

Дверь отворила сгорбленная старушка, съ печальнымъ, сморщеннымъ лицомъ.

— Здѣсь живетъ Ольга Ивановна Сергѣева?— спросилъ ее почтальонъ; а старушка, ничего не отвѣтивъ, протянула за письмомъ руку.

— Ольга Ивановна здѣсь живетъ?— повторилъ почтальонъ.

— Что? Я сама Ольга Ивановна! .